

Тина Ло

ИДЕАЛЬНЫЙ ПСИХОПАТ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Тина Ло

Идеальный психопат

<https://litres.ru/74583117>

SelfPub; 2026

Аннотация

Профессор Платон Тихомиров посвятил жизнь изучению человеческого мозга и психики. Он уверен: настоящего психопата можно распознать — нужно лишь знать, куда смотреть.

Но однажды исчезает его студентка. В полицейский участок приносят первый страшный трофей, а следом звучит послание от убийцы: он требует подключить к расследованию именно Тихомирова.

Преступник называет себя идеальным психопатом и предлагает профессору сыграть с ним игру. Загадки ведут к новым уликам, а каждая ошибка может стоить жизни похищенной девушки.

Тихомиров привык быть на шаг впереди своих пациентов. Но что, если на этот раз тот, кого он пытается разгадать, знает о нём гораздо больше, чем должен?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Тина Ло

Идеальный психопат

Глава 1

Высокие окна аудитории старейшего медицинского университета столицы пропускали рассеянный свет унылого осеннего понедельника, в который студентам первого курса нужно было встать пораньше, чтобы не пропустить первую пару. Никто не хотел здесь быть в восемь утра, но пришли все. Потому что это была лекция по нейробиологии. И потому что читал её выдающийся профессор в области изучения мозга, автор учебников и множества научных статей - Тихомиров Платон Владимирович.

Студенты не любили его как личность — получить у него зачёт с первого раза было практически нереально. Но уважали его как профессионала и некую знаменитость этих блекло-бежевых, местами облупившихся стен.

Он стоял у кафедры. Сухой, подтянутый, в тёмно-сером пиджаке поверх чёрной нейлоновой водолазки. Густые брови по привычке были сведены, глубокий взгляд непрерывно оценивал допустимый объём информации для своих слушателей.

Прямой и достаточно крупный нос периодически застав-

лял его резко втягивать воздух, словно Тихомирова мучила аллергия или это были остатки очередного осеннего вируса. Седые волосы заметно поредели на висках, открывая высокий лоб, но выраженный подбородок подчёркивал сухую и строгую геометрию лица.

Тихомирову хоть и было шестьдесят лет, в его облике не было и намёка на возрастную дряхлость. Напротив, он выглядел человеком, который следит за собой и привык производить впечатление — интеллекта, сдержанности и уверенности в себе. Очки в тонкой оправе только усиливали этот образ, создавая ощущение интеллектуального превосходства, к которому он, кажется, давно привык.

На экране за спиной профессора была выведена презентация с крупным изображением среза мозга. Каждая зона — кора, лимбическая система, амигдала — была раскрашена в свой цвет. Красные линии рисовали нейронные связи. Ещё никогда человеческий мозг не был так визуально близок к произведению искусства.

— Итак, — негромким, но хорошо поставленным голосом Тихомиров продолжал свою лекцию, — мы с вами подошли к теме, которую я всегда оставляю напоследок. Не потому, что она сложная... — очки профессора сползли на кончик носа, позволив ему исподлобья просканировать готовность аудитории к новой теме.

— Нет, — Тихомиров кивком головы вернул очки на место, — она не сложная. Просто она пугает. Даже меня.

Он сделал паузу. По аудитории прокатился лёгкий смешок. Но Тихомиров не улыбнулся.

— Психопатия. Термин, который в медицине означает расстройство личности. Но сегодня мы поговорим не о диагнозе. Мы поговорим о редком случае так называемого мною «идеального психопата».

Он щёлкнул пультом, и на экране появилась фотография мужчины: на вид лет сорок пять, опрятный, чистый и дорогой светло-синий костюм, открытая улыбка, приятное лицо.

— Это Всеволод Кузнецов. Работает в страховой компании. Примерный семьянин. Жена, сын. Соседи отзываются о нём только в положительном ключе. Всегда помогает старушкам донести сумки, активно участвует в жизни подъезда. По праздникам навещает ветеранов, дарит игрушки детям-сиротам. Никогда не повышает голос.

Тихомиров снова щёлкнул пультом. Следующий слайд — тот же мужчина, но уже в наручниках. Мрачный, небритый, с пустым взглядом.

— А теперь правда. Всеволод Кузнецов убил семерых женщин. Молодых студенток, похожих, как ему казалось, на его жену в день их первой встречи. Он делал это на протяжении четырнадцати лет. И всё это время улыбался. Ходил на родительские собрания к сыну, играл с детьми в парке. И никто, ни один человек в его окружении, даже его семья, не заподозрили в нём монстра.

Тихомиров обвёл взглядом аудиторию.

— Этот монстр имеет редкую способность — быть невидимым. Человек не выглядит как монстр, не ведёт себя как монстр, вы никогда не обратите на него внимание в толпе, но всегда откроете ему дверь.

Аудитория погрузилась в полную тишину. Даже те, кто свайпал ленту в своём телефоне, подняли головы.

— И возвращаясь к моему «идеальному психопату», — продолжил Тихомиров. — Что же делает его таким идеальным? И в этом вся соль — сам факт существования такого пациента становится испытанием для его лечащего врача. То есть «идеальный психопат» заставляет врача, который с ним работает, пересмотреть собственные убеждения. Терапевт сталкивается с ситуацией, когда его профессиональные взгляды ставятся под сомнение. Например, психопат делится очень личным, интимным опытом, и этот опыт неожиданно резонирует с собственными переживаниями терапевта. Работа с такими моментами — мощный профессиональный рост.

Он снова сделал паузу и впервые за лекцию улыбнулся.

— Именно поэтому я каждый год повторяю всем студентам: если вы встретите пациента, который поставит под сомнение весь ваш опыт, — бегите. Бегите к нему! Изучайте его. Это редкая удача.

Среди плотных рядов склонившихся над своими тетрадями студентов возникла длинная вытянутая вверх рука рыжеволосого парня. Тихомиров тут же её заметил и кивнул в

знак согласия услышать вопрос.

— А вы сами встречали этого «идеального психопата»?

Тихомиров усмехнулся с нотой надменности.

— Нет. Боюсь, что мой профессионализм и жизненный опыт уже на таком уровне, что мне «идеального психопата» не встретить. Я знаю о них всё, — он развёл руками, изобразив искреннее сожаление. — Поэтому для них я всегда буду на шаг впереди. Ещё вопросы?

Послышался скрип петель массивной деревянной двери. На пороге, без стука, появился молодой парень, лет двадцати пяти. Тёмная кожаная куртка, чёрный вязаный свитер под ней, в руках худая папка для документов. Волосы взъерошены, глаза красные — не спал. Взгляд его тут же застыл на слайде с маньяком. На скулах заиграли нервные прожилки, узкие губы сжались.

— Слушаю, — разбудил его Тихомиров.

Парень тут же пришёл в себя и открыл перед собой свою папку.

— Тихомиров Платон Владимирович, — прочитал он в папке.

Профессор испытывающе смотрел на него и молчал. Он знал, что в папке у парня, если и написано его имя, то читать и сверяться с записями было не обязательно. Они были знакомы. Просто очень давно не виделись.

— Уголовный розыск. Можно вас... Есть разговор, — парень окинул загудевшую аудиторию больным от усталости

взглядом и вышел в коридор.

Спустя мгновение в коридор вышел и Тихомиров.

— Лейтенант Кузнецов Сергей Викторович, — наконец представился парень и показал профессору разворот своего удостоверения.

Тихомиров тяжело вздохнул, поняв, что молодой человек не хочет прекращать игру в незнакомцев.

— Добрый день, лейтенант, — произнёс он. — Чем занят?

— Пропала студентка. Екатерина Сергеевна Воронова. Знаете такую? Первый курс. Посещала вот эти лекции, ваши.

Тихомиров пожал плечами.

— У меня двести студентов, лейтенант. Я не могу всех запомнить.

Кузнецов понизил голос и подошёл ближе к профессору, снова открывая папку.

— Сегодня утром в участок подкинули её палец. Отрубленный. И аудиозапись. Маньяк требует, чтобы к расследованию подключили вас. Лично.

Тихомиров выдержал паузу. Он пристально смотрел на Кузнецова, сдвинув брови. В его глазах не было ни страха, ни удивления. Только любопытство.

— Меня? — наконец спросил он.

— Да, вас. Поэтому вам придётся проехать со мной в участок.

— Но у меня ещё идёт лекция, — Тихомиров широким

жестом указал на закрытую за ними дверь в аудиторию.

— Какой-то ублюдок отрезал девушке палец. Ваша лекция подождёт.

Лицо Кузнецова исказилось в презрении. Тихомиров лишь бегло вздёрнул обеими бровями и подчинился, молча зашагав вперёд по коридору. Так что Кузнецову пришлось идти за ним.

Участок гудел, как улей. В коридоре пахло кофе и бумагой. Всюду сновали озадаченные полицейские. История с подкинутым пальцем подняла на уши всех. Главный вопрос был — как так получилось, что к дверям полиции ранним утром подкидывают части тела и ни один полицейский ни сном ни духом. Ещё и камеры смотрели не туда: преступник нарочно развернул их в другие стороны.

Кузнецов провёл Тихомирова в маленькую комнату с серыми стенами, двумя стульями и коротким столом между ними, на котором помещался лишь ноутбук.

— Присаживайтесь, — Кузнецов указал на стул.

Тихомиров сел. Осмотрелся. Брезгливо поморщился.

Кузнецов сел напротив, положил на край стола свою папку и открыл ноутбук.

— Сначала послушаем запись, — сказал он и нажал на пробел.

Из динамиков полился голос — механический, искажённый, но с чёткими интонациями.

«Этот палец принадлежит Кате Вороновой. Студентке первого курса медицинского университета, где преподаёт профессор Тихомиров Платон Владимирович. И это не последний палец Кати. Я отрежу ещё, если вы не подключите Тихомирова к расследованию. Он должен начать искать её вместе с вами уже сегодня.

А теперь я хочу обратиться к вам, профессор. Тихомиров. Платон Владимирович. Вы — лжец. Вы — вышедший в тираж старик, который считает себя умнее всех. Я хочу открыть вам глаза на ваше высокомерие. Хочу, чтобы вы захлебнулись от ужаса своего незнания! Ведь я — тот самый идеальный психопат, о котором вы из года в год всем рассказываете. Думаете, что всегда на шаг впереди таких, как я? Ошибаетесь! Это я на шаг впереди! И я докажу вам это.

Я хочу, чтобы вы сыграли со мной в игру. Я буду давать вам загадки. Ответ на каждую — местоположение части тела Кати Вороновой. Чем быстрее вы догадаетесь, кто я и почему я это делаю, тем больше от неё останется. Может быть, она даже будет жива».

Запись закончилась. Тишина. Лицо Тихомирова не изменилось, он лишь слегка начал постукивать пальцами по стулу.

— Интересно, — произнёс он. — Похититель с манией величия. Выбрал формат игры. И выбрал меня. Как самого умного, — он покачал головой. — Классика. Он хочет вни-

мания. Моего внимания. Это спектакль.

— Мне плевать, что это, — сказал Кузнецов. — Кто это может быть?

Тихомиров пожал плечами.

— Студент?

— Кто именно? — с нарастающим раздражением произнёс Кузнецов.

Эта интонация оскорбила Тихомирова, и он скрестил руки на груди и откинулся на спинку стула.

— Откуда я знаю? В конце концов, это ваша работа, а не моя, — сказал он.

— Хорошо, поговорим по-другому, — Кузнецов тоже откинулся на спинку стула. — Где вы были вчера между восемью и десятью часами вечера?

— В баре у дома. Любая камера это подтвердит, — спокойно сказал Тихомиров.

Кузнецов тут же записал это в ноутбук.

— Пусть подтвердит, — ответил он с вызовом.

— Я свободен? — спросил Тихомиров.

— Нет. Вы не слышали, что маньяк требует подключить вас к расследованию, иначе он искромсает студентку! — с возмущением воскликнул Кузнецов. — Что с вами не так?!

Тихомиров расплёл свои руки и приблизился к столу, облокотившись на него локтями.

— Вы думаете, я не видел психопатов?

Кузнецову едва удалось выдержать напряжение от этого

вопроса.

— Я тридцать лет работаю с ними, — продолжил профессор. — Я знаю, как они думают. Этот — не исключение. Он хочет внимания. Если я соглашусь — он получит то, чего добивается. Если я откажусь — он взбесится и обязательно совершит ошибку. И тут вы его поймаете. Это простая логика, лейтенант.

Тихомиров сделал акцент на слове «лейтенант», и Кузнецов сжал кулаки. Медленно. Чтобы не сорваться.

— Вы профессор. Вы читаете лекции о маньяках. И вот появляется маньяк, а вы прячетесь. Чего стоят ваши знания без практики?

— Ты слишком мал, чтобы суметь талантливо меня спровоцировать. И слишком наглый, чтобы считать так, — Тихомиров резко сменил интонацию на «строного отца».

Кузнецов недовольно шмыгнул носом.

— Да и чёрт с вами, можете проваливать, — заявил он, хлопнув крышкой ноутбука и вставая со стула. — Без вас найдём!

Кузнецов уже подошёл к двери комнаты, но тут же решил обернуться и бросить напоследок:

— А ведь я в очередной раз убедился, что вы нихрена не знаете.

На лице у Кузнецова мелькнула самодовольная улыбка, и он вышел. Тихомиров остался сидеть в одиночестве и тишине, вдыхая оскорбительный шлейф разочарования этого юн-

ца. Нет, поддаваться на провокацию было слишком унижительно. Ведь это была чистейшей воды провокация. Но и уйти просто так он не мог. Нельзя, чтобы новоявленные лейтенанты искали убийц, считая психологию лишь вспомогательным инструментом. Психология — основной и главный инструмент в поимке маньяков и серийных убийц.

Кузнецов зашёл в свой кабинет и устало свалил папку и ноутбук на стол, где уже лежали заключения судмедэкспертов и первые отчёты о допросе тех, кто мог видеть студентку в день пропажи.

В дверях появился Тихомиров.

— Он ищет справедливости, — громко заявил он.

Кузнецов даже вздрогнул от неожиданности.

— Если первый палец вы нашли у дверей участка, то второй, вероятно, найдёте у дверей суда.

Оба молча смотрели друг другу в глаза, пока Тихомиров не кивнул в знак прощания и не удалился.

Кузнецов медленно опустился на свой стул. Его телефон завибрировал — на экране он прочитал сообщение от помощника: «Алиби Тихомирова подтверждено». Кузнецов снял трубку своего старого стационарного телефона и спустя пару гудков дал распоряжение проверить здания и прилегающую территорию всех судов города — там может быть второй палец студентки.

Глава 2

Вот он. Профессор мозг.

*Его величие царапает землю, опережая собственную
тень.*

А я здесь, старый ублюдок. Я прямо за твоей спиной.

Я наступаю на каждый твой мокрый отпечаток.

И я несу смерть.

Я режу живое мясо и швыряю его куски в грязь.

И тебя, сухая морщинистая свинья, я искромсаю.

Ты будешь рыдать.

Ты будешь молить о пощаде.

Боже. Как же прекрасен дьявол во мне.

В штанах всё стянуло.

Встал.

Дождь. Отвратительная мелкая морось. Ветер с силой швыряет её в лицо. Словно кто-то идёт впереди и без остановки плюёт тебе в глаза, в кожу.

Тихомиров вышел из участка в половине четвёртого. Улица встретила его сыростью и ветром — октябрь в этом году был холодным, злым, с низким небом и лужами, в которых отражались фонари.

Он пошёл пешком. Метро не любил — толпа, шум, чужие тела. Такси брал редко, считал это расточительством. Он

жил в двадцати минутах ходьбы от института, и дорога домой была его ежедневным ритуалом: время подумать, время переключиться. От участка же это был не ближний свет. Поэтому уже стемнело, когда профессор свернул на свой бульвар. Темнеет в конце октября, как известно, рано.

Тихомиров скрылся за воротником пальто и всю дорогу шёл с опущенной головой. Смотреть себе под ноги, на мокрый асфальт, блестящие от воды кожаные мыски своих туфель и частые мёртвые листья под ними, втоптаннные и порванные сотнями прохожих, — смотреть на всё это было гораздо приятнее, чем лицезреть самих прохожих перед собой.

Он думал. В голове крутилась запись. Голос. Искажённый, механический, но с интонациями. Этот человек знал, что говорит. Он не блефовал, а играл.

«Я — тот самый идеальный психопат, о котором вы из года в год всем рассказываете».

Тихомиров усмехнулся. Хватило бы ему самому наглости так заявить о себе перед кем-то, кто вызывал бы у него такое острое чувство неприязни?

Мальчишка. Студент, скорее всего. Кто-то из тех, кого он когда-то отчислил или унизил. Их много. Он не запоминал обидчиков — они запоминали его. Он чувствовал это в тоне их обращений к нему во время лекций, видел в микроэкспрессиях на их лицах. Его это не волновало. Наоборот — ему льстило быть неким антагонистом на их сессиях. И единственной причиной такой неприязни могла стать недооце-

нённости, наложенная на глубокую психологическую травму. Ведь не зависть же стала тому виной?

Тихомиров улыбнулся.

Завтра юнец снова вызовет его в участок и будет долго пытаться прикрыть грубостью собственную задницу в рваных обосранных трусах. Откуда он узнал, что второй палец маньяк подкинёт к зданию суда? Не в преступном ли они сговоре?

Всё это будет смешно и неважно. Разве что отнимет пару часов от лекций.

Когнитивное искажение, в основе которого лежит стыд, не всегда приводит человека к выводу: «Я был неправ — нужно исправиться». Напротив, оно может запускать механизм отрицания. «Я был прав, это вы все неправы». И примитивная натура Сергея Кузнецова, вероятно, выберет именно этот паттерн поведения.

«Бедный, обиженный жизнью мальчик. И какая ирония — пошёл в полицию, стал лейтенантом. Стёр своё прошлое. Вышвырнул из него тех самых людей. Сергей Викторович... Викторович... Но всё же Кузнецов».

Тихомиров наконец-то свернул во двор своего дома — старую сталинку с облупившимся фасадом и давно не крашенными скамейками у подъезда. Фонарь над дверью мигал через раз, выхватывая из темноты то лужу, то край клумбы, то блестящий предмет на асфальте в нескольких шагах от входа.

Он остановился.

Кольцо. Тонкий ободок, пожелтевший металл, в котором сидел крупный жёлтый камень — то ли янтарь, то ли дешёвое стекло, подделка под него. Оно лежало так, будто его обронили только что: не втопанное в грязь, не заляпанное.

Тихомиров наклонился, поднял кольцо двумя пальцами, повертел в скудном свете фонаря. Ничего особенного. Просто чья-то потеря. Он сунул кольцо в карман пальто — машинально, не придавая значения, — и вошёл в подъезд.

В подъезде было также сыро, как и на улице. Где-то в районе третьего этажа пахло чужим борщом. Тихомиров поднялся до пятого, перешагивая через ступеньку. Эта привычка появилась у него еще в юности и иногда о себе напоминала. Он считал, что так экономит время и тренирует мышцы.

Ключи он достал еще на лестничной площадке, но вставил в замок не сразу. Сначала прислушался.

Тишину в подъезде прерывали капли воды, стекающие с труб где-то наверху. Ритмично, как метроном.

Он повернул ключ. Дверь мягко открылась, без скрипа. В последнее время Лиля начала вздрагивать от резких звуков, поэтому он хорошенько смазал все петли.

- Пап?

Голос из комнаты. Негромкий и слабый. Но такой родной, что за один этот звук профессор готов был отдать всё на свете. Только бы слышать этот голос подольше. Только бы он

мог слышать этот голос в той тишине, что его ждала...

- Я, - отозвался он, разуваясь. - Ты не спала?

- Ждала тебя.

Он вошел в комнату. Лиля сидела на кровати, поджав ноги, укутанная в старый плед - тот самый, растянутый и с проплешинами в ворсе, который он дарил ей в четыре года. Тогда он был для неё таким же огромным, как и весь мир. Хотел бы он стать этим миром потом...

Рядом с Лилей лежала книга - один из папиных учебников по нейропсихологии. Рядом с кроватью горела настольная лампа. Верхний свет Лилия не выносила. Говорила, что он режет ей глаза. Поэтому квартира вечерами напоминала подполье, таинственное, но уютное.

Лилия была бледной девятнадцатилетней девушкой. Всегда бледной. Кожа почти прозрачная, с голубоватыми прожилками на висках. Тонкие руки, длинные музыкальные пальцы. Волосы светлые, редкие - недостаток железа, как определил врач.

- Ты поздно, - сказала она.

- Работа, - Тихомиров сел рядом, и дочь тут же привалилась к его плечу, как это делала с детства. Тёплая, нежная. - Как ты? Как день провела?

- Да никак. Скучно. Напоследок читала вот, - Лилия кивнула в сторону учебника.

- И как? Зацепило что-нибудь?

Тихомирову льстило обсуждать написанные им учебники,

но только не с Лилей. С ней он, как неуверенный в себе подросток, всегда боялся критики.

- Нет. Куча букв и мало картинок, - ответила она.

Тихомиров усмехнулся. Лиля умела быть жесткой, этим она пошла в отца. Он поцеловал её в макушку и вдохнул по-сильнее запах её волос. Кажется, всю свою жизнь она пахла для него одинаково - тем самым детством, в котором он часто носил её на руках. Теперь для передвижений у неё было специальное кресло.

Лиля была больна. Сложное нейродегенеративное заболевание, которое поражает и мышление, и движение.

Когда ей было три года, она начала спотыкаться. Сначала редко. Потом чаще. Она роняла чашки, не могла сложить пирамидку, спотыкалась на ровном месте. Врачи говорили: «Ничего страшного. Ребёнок растёт. Пройдёт». Он тогда ещё не был профессором. Он был молодым ассистентом кафедры, подающим надежды, но ещё никем. Он верил врачам. Он тоже думал, что пройдет.

Не прошло.

В четыре года она перестала ходить. Не совсем — могла сделать несколько шагов, держась за стену, за мебель, за его руку. Но сама — нет. Ноги не слушались. Мышцы слабели. Движения становились резкими, дёргаными, непредсказуемыми.

Тогда он впервые произнёс это слово. Гентингтон.

Он сам поставил диагноз. Собрал анализы, сделал МРТ,

проконсультировался с коллегами — тайно, никому не говоря, что речь о его дочери. Он хотел быть уверен и в то же время хотел ошибиться.

Он не ошибся.

Ювенильная форма. Редкая. Агрессивная. Неизлечимая.

Он помнил, как сидел в своём кабинете в тот вечер. Перед ним лежали снимки. Заключение. Он смотрел на них и чувствовал, как внутри всё рушится. Его уверенность. Его превосходство. Его право учить других.

Он — нейробиолог. Он — тот, кто должен был заметить. Он — тот, кто знал. И он тот, кто пропустил.

Три года. Целых три года он видел, как его дочь теряет себя, и объяснял это «возрастом», «характером», «особенностями развития».

Тогда он сказал себе: «Я исправлю. Я найду способ. Я посвящу этому жизнь».

И посвятил. Он ушёл в науку с головой. Писал статьи, защищал диссертации, читал лекции, изучал мозг, снова и снова, пытаясь найти то, что упустил. Он стал профессором. Авторитетом. Он стал тем, кого цитируют, кого уважают, кому даже завидуют.

Но Лиля так и не встала. Она осталась в этом кресле. В этой комнате. В этом мире, который сжался до размеров квартиры. Он дал ей всё, что мог. Сиделку, когда мог позволить. Учителей на дом. Книги. Краски. Компьютер с голосовым управлением. Всё, чтобы она не чувствовала себя за-

пертой. Но он знал: она заперта. И отчасти именно он — тот, кто запер её.

- Сегодня с Пушинкой мы обсуждали твою жену, - интригующе произнесла Лиля.

Он знал, что Пушинка - это плюшевый кролик. Игрушка, с которой она спит. он привёз его из первой командировки в Германию, когда Лиле было три года.

- И что сказала Пушинка?

- Что ты старый и никому не нужен, кроме меня.

Тихомиров засмеялся. До сих пор она не переставала его удивлять. Наравне с детской непосредственностью проскакивали вполне взрослые и мудрые мысли. Эти ясные глаза скрывали за собой неизведанные глубины. И сколько там было добра и зла, сколько счастья и боли... Вся эта голубая бездна принадлежала ему, и он должен был охранять её.

Профессор вспомнил про кольцо. Сунул руку в карман пальто, которое все ещё не снял, и вытащил. Тонкий ободок, пожелтевший металл, жёлтый камень. В свете лампы кольцо выглядело еще дешевле, чем на улице.

- Что это? - спросила Лиля.

- Нашёл у подъезда.

- Какое красивое!

Он знал, что колечко ей понравится. Лиля протянула руку, и отец вложил его ей в ладонь. Лиля поднесла кольцо к свету, повертела. Камень тускло блеснул.

- Бриллиант? - спросила она.

- Вряд ли, - усмехнулся Тихомиров. - Стекло.

- Всё равно красивое. Как в сказке.

Она попыталась надеть кольцо на средний палец, но ладони не слушались. Профессор помог ей. Кольцо оказалось велико и чуть было не соскользнуло, если бы Лиля внезапно не сжала руку в кулак.

- Можно я оставлю? - улыбнулась она.

- Оставь, конечно.

Тихомиров встал и вернулся в прихожую. Там он снял пальто, повесил на крючок и почувствовал что-то тёплое и мокрое на верхней губе. Он быстро промокнул пальцами - кровь.

Профессор ринулся в ванную и закрыл за собой дверь на шпингалет. Затем быстро и до предела выкрутил сразу горячую и холодную воду в кране.

Он поднял голову и посмотрел в зеркало. Из левой ноздри медленно выползала алая струйка. Тихомиров сжал крылья носа двумя пальцами, запрокинул голову и почувствовал, как кровь стекает по задней стенке горла - солёная и горячая.

Проглотил.

Он наклонился над раковиной и начал промывать нос.

Рак мозга. Четвертая стадия - пронеслись в его голове недавние слова врача. И приговор, что через считанные недели он превратится в овоща, а потом умрёт.

Шах и мат. Вселенная его обыграла. Сначала Лилия, те-

перь он сам. Пока он решал логические задачи про человеческий мозг, дьявол уговаривал бога наказать самоуверенного гения. И бог согласился.

Он скоро умрет, но Лиля об это не знает. И не должна знать.

Он уже всё подготовил - Лилия отправится в лучший пансионат, где получит все необходимые лекарства и психологическую поддержку. Где проживет столько, сколько ей уготовано. В хороших условиях, с грамотными специалистами.

А он уйдёт. Незаметно для неё. Он знает, когда придёт его время. Уж что-что, а собственный мозг он еще может контролировать.

Кажется.

Он вытер нос и уже собирался выйти, как вдруг заметил на водолазке пятно.

Водолазка черная, но пятно на ткани всё равно видно. А Лилия мнительная, она проведет пальцем, заметит.

Он снял водолазку и намылил пятно, потом потёр и смыл.

- Пап? - послышался голос Лили под дверь.

Зашаталась ручка. Тихомиров замер.

- Ты чего там заперся?

- Умываюсь, - ответил он, стараясь выдержать ровный и спокойный тон голоса.

Пауза.

- Хорошо.

Тихомиров повесил водолазку сушиться - так, чтобы пят-

но не бросалось в глаза, и наконец открыл дверь и вышел.

Лиля сидела в коляске у кровати и свайпала ленту в соцсети в своей телефоне. Яркий экран подсвечивал, как она смеялась.

- Что ты там смотришь? - с улыбкой спросил Тихомиров и подошёл к дочери.

- Да реклама фитнеса. Хватит смотреть на весы - приходи к нам и посмотри потом на себя в зеркало.

Лиля развернула к отцу телефон - там милый айшный ролик с толстым котиком, который встал на весы, но тренер фитнес-клуба накинул ему на глаза повязку - так, что котик побежал в фитнес-клуб, спотыкаясь, падая и врезаясь в уличные столбы. Физика ролика была сделана действительно очень смешно. Тихомиров тоже хихикнул.

- Чего только не придумают, чтобы завладеть нашей лимбической системой, - сказал он и направился в другую комнату - свой кабинет.

Это была обычная скучная комната с окном, письменным столом, с потрепанным временем, но удобным стулом и книжными стеллажами вдоль стен.

Тихомиров закрыл за собой дверь. На столе лежала стопка докладов - студенческие работы. Их надо было проверить до завтра.

Профессор сел, открыл первую работу и замер - случайные буквы в тексте обведены красной ручкой.

Тихомиров бросил взгляд на свою красную ручку, стоя-

щую в органайзере на углу стола.

Он быстро пролистал работу - чисто. Зато в следующей то же самое.

Он выписал все буквы в ряд на чистый лист. Получилось:

НАЙДИ МЕНЯ ИЛИ Я РАССКАЖУ ЕЙ ПРО РАК

Тихомиров смотрел на эти буквы. Долго. Очень долго.

Убийца был у него дома.

И он знает то, чего не должен знать никто.

Кроме врача.

Сказать Кузнецову? Нет. Сюда нагрянут криминалисты, Лиля испугается.

Это его игра. И он еще в силах доказать какому-то недоумку, кто тут умнее и на шаг впереди.

Блядское бряцание ключей.

Бесит.

Эту старую дверь давно пора вышибить.

Открылась. Сука.

Всё едет перед глазами. Башка трещит. И эта дрянь никак не заткнётся — всё воет и воет на одной и той же раздражающей ноте.

Заткнись, стерва!

То-то же.

Почему никто не понимает хорошего отношения? Почему всё время приходится на всех орать? Разве я заслужил тащить на себе этот тяжёлый груз?

Я ведь ничего плохого не сделал.

Почти ничего.

Я всего лишь хочу показать этому старому ублюдку, кто здесь настоящее чудовище.

И я не виноват, что дьявол не понимает других языков.

С ним можно говорить только на языке крови.

Письма ему можно писать только кровью.

Как же я его ненавижу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.